

НАСТОЯТЕЛИ РУССКИХ ПОСОЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ В ПАРИЖЕ И ЛОНДОНЕ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Священнослужители, состоявшие при российских посольствах, дипломатических миссиях и консульствах, занимали особое место в среде русского православного духовенства. Прежде всего они находились в двойном подчинении – Святейшего Синода и Министерства иностранных дел¹. По всем текущим вопросам, касающимся русских посольских церквей, независимо от значимости, священник обращался к главе миссии (послу или консулу), тот, в свою очередь, связывался с министром иностранных дел (или главой Департамента хозяйственных и счетных дел МИД), последний проводил согласование с обер-прокурором Синода; ответ осуществлялся в обратном порядке. От приходского духовенства России священники православных заграничных церквей отличались более высоким уровнем образования и получаемого жалованья, а также внешним видом (им было разрешено брить бороду и вне стен храма носить светскую одежду).

Возникновение русских посольских церквей связано с установлением стабильных дипломатических отношений между Россией и западными государствами. В первой четверти XVIII в. появились церкви в Стокгольме, Берлине, Лондоне и Париже, затем – во всех крупных европейских столицах. Первоначально «посольская церковь» означала присутствие в стране православного священника, находившегося при российской дипломатической миссии, и наличие помещения для проведения богослужений – как правило, съемной квартиры. Здания православных храмов в основном были возведены в Европе во второй половине XIX – начале XX в.

В XVIII в. священнические места при российских миссиях нередко занимали случайные люди, которые «согласились на долгое время покинуть родину»². Однако к началу XIX в. правительство пришло к осознанию того, что священник, наряду с членами дипломатического корпуса, является представителем своей страны и, соответственно, должен создавать за рубежом позитивный образ России. С этого времени настоятелями посольских церквей назначаются исключительно выпускники духовных академий, имеющие хорошее воспитание и свободно владеющие французским, немецким или английским языком.

Большинство пребывавших за границей подданных Российской империи регулярно посещали православную церковь. Там можно было встретить соотечественников, узнать последние новости из России, получить от священника не только духовную, но и материальную помощь. По справедливому замечанию исследовательницы М.В. Одеровой, «православная церковь была своеобразным центром, связующим звеном между различными полусами русской колонии в любой европейской стране»³. Присутствие за рубежом православного священника приобретало особое значение в годы тяжелых испытаний. Во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., после того, как члены российских посольств покинули территорию государств-противников, православные священники остались там единственными представителями России. На протоиереев И.В. Васильева в Париже и Е.И. Попова в Лондоне российским МИД было возложено попечение о судьбе русских военнопленных. Несмотря на определенные препятствия со стороны католического духовенства, они с честью справились в этой задаче.

Иосиф Васильевич Васильев (1820–1881) родился в с. Стрельцово Елецкого уезда Орловской губ., в семье священника. Обучался в Орловской духовной семина-

* Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

рии, затем – в Санкт-Петербургской духовной академии, которую в июне 1845 г. закончил в качестве первого магистра (т.е. был официально признан лучшим в своем выпуске). Первоначально Васильев был оставлен в академии в должности наставника, однако уже 9 мая 1846 г.⁴ он был рукоположен в священный сан и назначен на вновь учрежденное место второго священника к Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже⁵. Министерство иностранных дел назначило молодому священнику жалованье – 1 524 руб. серебром в год, и поручило российскому посольству в Париже снять для его семьи «приличную квартиру»⁶. (В Париж отец Иосиф приехал в сопровождении 17-летней жены Анны Ефимовны; во Франции у них родилось одиннадцать детей: восемь дочерей и три сына⁷). Выбор МИД и Синода пал на Иосифа Васильева не случайно. Помимо блестящих способностей и свободного владения французским языком, несомненно, сказалось знание им истории и реалий католицизма – его магистерская диссертация была посвящена рассмотрению учения римской церкви «О главенстве папы». Усиление причта посольской церкви в Париже, единственного среди всех европейских, введением должности второго священника рассматривалось в качестве меры, призванной предупредить соращение российских подданных в иноверие. Чрезмерное увлечение проживавших во Франции соотечественников западной культурой, и особенно – частые случаи поступления русской молодежи в парижские католические пансионы вызывали беспокойство российских властей.

Приехав в Париж, отец Иосиф развил кипучую деятельность. Помимо осуществления своих непосредственных обязанностей: совершения богослужений и исполнения треб, он давал уроки Закона Божьего детям русской аристократии, устроил при православной церкви библиотеку, состоявшую из выписанных из России книг религиозного и исторического содержания. Очень скоро он поставил своей главной задачей добиться постройки в Париже «поместительного и благолепного во всех отношениях» настоящего русского храма, соответствующего достоинству Российского государства и могущего свидетельствовать во Франции о подлинной красоте православного богослужения. Осуществить свой замысел священнику удалось только через 15 лет. В 1849 г., после возвращения на родину настоятеля русской посольской церкви в Париже протоиерея Дмитрия Вершинского, отец Иосиф принял на себя обязанности старшего священника. 3 июля 1850 г. Святейший Синод утвердил его в этой должности, а 27 апреля 1853 г. «за ревностную службу и особенно полезные труды по духовной части» возвел в сан протоиерея⁸.

Вступление Франции в Восточную войну и разрыв дипломатических отношений между ней и Россией застали протоиерея Васильева в Бельгии, куда он прибыл «для проведения обрядов крещения и причащения» соотечественников-аристократов. В конце марта – начале мая 1854 г. все члены российского дипломатического корпуса покинули пределы Франции. Генеральный консул Российской империи А.К. Эбелинг, слагая свои полномочия и оставляя французскую столицу одним из последних, по поручению уже выехавшего в Брюссель российского посла Н.Д. Киселева обратился к министру иностранных дел Франции Друэну де Люису с просьбой оставить в Париже, под покровительством Саксонского посланника барона Зеебаха, причт русской посольской церкви⁹, присутствие которого крайне важно для соотечественников, не имеющих возможности вернуться на родину по состоянию здоровья или каким-либо другим чрезвычайным обстоятельствам. Одновременно Киселев обратился с соответствующей просьбой к Зеебаху. Заручившись разрешением своего правительства («мой король, – писал Зеебах Киселеву 19(31) мая 1854 г., – охотно воспользовался удобным случаем, чтобы предоставить Российскому императору новое доказательство своей симпатии и глубокой преданности»), барон согласился принять на себя эту миссию, подчеркнув при этом, что, согласно указаниям, полученным им от министра иностранных дел Франции, его «посредничество может быть только официальным, и возможность представительства не будет заключать в себе права покровительства в том объеме, какое осуществлялось Российским посольством»¹⁰. Эбелингу Друэн де Люис ответил, что данный вопрос требует согласования с министром внутренних дел Франции. Согла-

сование несколько затянулось – российский генеральный консул покинул Париж, не дождавшись официального ответа. В это время, в ожидании решения, Васильев писал из Брюсселя директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу: «Если французское правительство поймет истинное значение сего, по-видимому, малого дела, если оно вникнет в благотворительную мысль нашего правительства – доставить возможность нашим единоверцам грекам, славянам, валахам и проч. прибегать к молитве и таинствам в нашей церкви, следовательно, если увидит в этом соответствие с Восточным вопросом, то, без сомнения, будет искать предлога к нашему удалению из Франции. Полиция уже собирает сведения о нашей жизни, образе мыслей, влиянии»¹¹. Опасения протоиерея, однако, оказались напрасными, вскоре он получил разрешение вернуться в Париж.

В сентябре 1854 г. Министерство иностранных дел России поручило отцу Иосифу Васильеву попечение о русских военнопленных, привезенных на территорию Франции. Согласно данным историка Б.П. Миловидова, общая численность российских пленных за весь период Восточной войны составила 7 852 человека¹². Из них во Францию с сентября 1854 г. по март 1856 г. было доставлено более 1 500 человек¹³. По решению французских властей две трети пленных были помещены на острове Экс. «Этот плоский дугообразный островок, – пишет современный французский историк Н. Росс, – длиной в 2 километра и шириной в 200–400 метров, расположен у атлантического берега вблизи международно-известного по телевизионным играм форта Боярд. В XVII в. он был укреплен знаменитым военным инженером Вобаном и с тех пор прикрывал военные порты Ла-Рошель и Рошефор»¹⁴. На острове Экс была помещена вся первая партия русских пленных – 1 054 человека, состоявшая, главным образом, из части гарнизона крепости Бомарзунд на Аландских островах, в августе 1854 г. сдавшегося противнику после упорной обороны. Вместе с гарнизоном находилось незначительное число женщин и детей (семьи отдельных военнослужащих), а также около 50 заключенных, сидевших прежде в Аландской тюрьме. В качестве жилья для пленных были отведены форт Льедо и барачное здание, построенное в 1847 г. для пленных арабов из Алжира. Форт Льедо, насчитывавший 12 казематов, вместил 600 человек, размещенных на соломенных матрасах, положенных на асфальтовый пол. В барачном помещении поселились 430 человек, из них 300 – на походных кроватях, остальные – как в форте, на полу. Наконец, незначительное число пленных было временно размещено в палатках. Надзор за пленными осуществлял французский гарнизон из 200 солдат линейных частей под командованием коменданта острова ротмистра Эриссана. Кроме того, для «обеспечения полицейской службы» на Экс были присланы 24 жандарма¹⁵. Бывший комендант крепости Бомарзунд генерал-майор Я.А. Бодиско, привезенный во Францию раньше своего гарнизона, в сопровождении семьи и двух офицеров поселился в г. Эвре. Последующие партии пленных помещались, как правило, в Тулоне. Вскоре всем русским офицерам разрешили жить под полицейским надзором в любом месте Франции, за исключением Парижа и приграничных городов. Им выдавалось жалованье в соответствии с чином¹⁶.

Получив предписание канцлера К.В. Нессельроде «доставить нашим несчастным помощь, назначенную им великодушным и христианским сердцем государя императора», протоиерей Васильев, прежде всего, посетил барона Зеебаха, «прося его посредничества и советов для точного и успешного исполнения дела». Барон устроил ему аудиенцию с военным министром Франции маршалом Ж.-Б.Ф. Вальяном для исхода-тайствования письменного разрешения на посещение пленных. Об этой встрече, состоявшейся 12(24) сентября 1854 г., Васильев писал Нессельроде: «Я счел приличным и благоразумным явиться туда в одежде священника, чтобы дать делу истинный его смысл. На вопрос маршала Вальяна: зачем я еду и что намерен там делать? – я отвечал, что цель моей поездки есть подать духовную и материальную помощь пленным. Первая будет состоять в богослужении, в утешении, в преподании таинств больным, в наставлении всех в доброй жизни, послушании, порядке, пристойности. Вторая – в раздании той помощи, сообразно с нуждами, которую по отеческой заботливости на-

значил им Государь император всероссийский. Маршал Вальян, заметив мимоходом, что все нужды пленных будут удовлетворены, что Франция на сей счет всегда отличалась великодушием и щедростью, присовокупил: «Ваша миссия совершенно евангельская и соответствует характеру одежды, в которую вы облечены, и я сделаю все со своей стороны, чтобы способствовать ее выполнению»¹⁷.

Уже через день после встречи с военным министром отец Иосиф выехал в Эвре, где навестил генерала Бодиско, вручив ему для нужд его семьи и находившихся с ним офицеров 600 франков. Всего в распоряжении протоиерея имелось 25 тыс. франков, пожертвованных императором Николаем I и частными лицами. Из Эвре он предпринял путешествие на Экс, где провел восемь дней среди пленных. Впоследствии священник еще несколько раз посетил этот «тюремный остров».

Во время своего первого пребывания на острове протоиерей Васильев подробно ознакомился с условиями жизни наших пленных, осмотрел все казармы, осведомился о нуждах офицеров и солдат. Упомянутое барачное здание он считал «удобным, сухим и здоровым», помещения форта Льедо были менее удовлетворительны вследствие сырости и плохого воздуха. Отведав пищу пленных, отец Иосиф нашел, что она «весьма хорошего качества». Каждый солдат получал ежедневно 1,5 фунта¹⁸ белого пшеничного хлеба, полфунта мяса и 60 г турецких бобов для прибавления в суп. Офицерам полагалось по 1,5 солдатской порции в день. Несмотря на то, что порция рядового пленника соответствовала пайку французского солдата, наши воины жаловались на недостаточное количество пищи, и особенно – хлеба. Французский хлеб они называли «бездушным», отмечая, что он «совсем не насыщает за обедом: хорошо бы съесть по куску такого хлеба после обеда для забавы». Многие предлагали даже уменьшить порцию говядины за счет прибавки хлеба¹⁹.

«В самом деле, – писал протоиерей графу К.В. Нессельроде в упомянутом письме от 4(16) октября 1854 г., – может ли русский солдат, питавшийся тремя фунтами прекрасного черного хлеба, сытными русскими щами и кашею, может ли он насытиться назначенною во Франции порцией? Тщетно я доказывал им, что белый хлеб питателен, что здешний климат и неподвижная их жизнь требует меньшее количество пищи, мои доводы не действовали на их голодные желудки»²⁰. Некоторым подспорьем для пленных служило небольшое вознаграждение, получаемое ими за земляные работы. Позднее их стали привлекать также к сельскохозяйственным работам и строительству дорог на материке. Инженер, под руководством которого пленные трудились на острове, поинтересовался отношением священника к данному процессу. Тот ответил, что «умеренные работы полезны, удаляя от праздности и улучшая положение пленных. Без последнего же условия они будут тягостны и прискорбны»²¹.

Пытаясь улучшить положение соотечественников, отец Иосиф, по его собственным словам, старался сделать «только необходимое», причем «экономическим образом» и «сколько возможно приблизительно к привычкам русского воина». Прежде всего, он купил 30 фунтов сальных свечей для освещения казарм во время ужина и молитвы. Каждому пленному он выдал по полфунта мыла, а также иголки и нитки для починки одежды. Нуждающиеся получили белье для смены. Купить обувь в магазинах Ла-Рошели протоиерей не решился: по его мнению, «башмаки с гетрами», которые носили французские солдаты, были бы «странными и неудобными» для русских воинов. Узнав, что более двадцати пленников владеют ремеслом сапожника, священник решил обуть соотечественников «по родному обычаю». Купив кожу, подошвы и необходимые инструменты, он устроил на острове мастерскую для ремонта старых и пошива новых сапог. При этом сапожникам за производимые работы протоиерей назначил денежное вознаграждение из имевшихся в его распоряжении средств. Впоследствии французское правительство все же обмундировало русских пленников «по странному и неудобному» образцу, выдав им темно-серые шинели, суконные штаны темно-каштанового цвета, солдатские башмаки и деревянные сабо. Эта одежда и обувь, несмотря на несоответствие русским обычаям, выполняла в сложившихся условиях свою главную задачу – предохраняла от холода²².

Что касается удовлетворения религиозных нужд военнопленных, то свои действия в этом отношении протоиерей Васильев подробно изложил в письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову от 1(13) декабря 1854 г. Письмо было написано после его второй поездки на остров Экс, в ходе которой он провел там 28 дней. Прежде всего, протоиерей с удовлетворением отметил, что «вера, молитва и все добрые начала православного русского воина не только не ослабели на чужой стороне, но, если то возможно, усилились. По обычаю предков, наши пленники освятили и украсили негостеприимные казармы святыми иконами», и до его прибытия «совершали в них частные молитвы». Избрав «более чистую и просторную казарму», священник ежедневно совершал в ней богослужение, ибо «печальное положение пленников» требовало «обильного утешения веры и молитвы». Певчий Парижской посольской церкви Алексей Копорский, сопровождавший протоиерея Васильева во время его первого пребывания на острове, «похвальным старанием образовал из двенадцати военнопленных довольно согласный хор певчих». «Символ веры» пели все присутствовавшие на службе православного вероисповедания. Сообщая об этом, отец Иосиф эмоционально отметил: «Назидательно и умирительно это православное богослужение в бедной казарме, среди душ простых и верующих, испытанных несчастьем плена!»²³.

После богослужения священник, как правило, обращался к пленным соотечественникам с поучениями, считая их «душеполезным занятием и предметом для дневной взаимной беседы». Он ежедневно навещал в госпитале больных, всех их исповедал и приобщил Святых Тайн. Кроме того, отец Иосиф совершил заочное отпевание и панихиду по всем павшим во время осады Бомарзунда, а также умершим от ран и холеры по дороге к месту заключения. «Сим случаем, — пояснил протоиерей, — я воспользовался для утешения оставшихся и для внушения подражания благоприятной Богу смерти убиенных на брани за отечество. Текстом моего поучения я избрал слова Христа Спасителя: больше сия любви никто же имеет, да кто положит душу свою за други своя»²⁴. Копия этого письма 25 декабря 1854 г. была представлена графом Н.А. Протасовым на «Высочайшее усмотрение» Николаю I. Император собственноручно написал на докладе: «Спасибо ему, хорошо действует»²⁵.

Необходимо отметить, что религиозное утешение действительно имело большое значение для русских военнопленных. Как известно, на войне, в условиях постоянной опасности и близости смерти, вера в Бога являлась для солдат и офицеров мощной духовной поддержкой, давая надежду как на одержание победы, так и на сохранение собственной жизни и спасение души. В плену православие стало для русских воинов важнейшим элементом национальной и культурной самоидентификации. По данным Миловидова, те немногие православные пленные, что согласились ради улучшения бытовых условий перейти на службу в Иностранный легион, отказались при этом переменить веру²⁶. Поэтому закономерно, что появление среди пленных соотечественников протоиерея Иосифа Васильева было встречено ими с нескрываемой радостью. Например, офицер И. Жуков вспоминал: «После приезда (на остров Экс. — Л.М.) священника Васильева из Парижа... положение наше облегчилось... Мы были очень рады его приезду»²⁷. Копиист Яковлев, содержавшийся в Тулоне, отмечал: «Нам было доставлено счастье видеть у себя двух священников» (протоиерея Васильева и второго священника русской посольской церкви Афанасия Петрова. — Л.М.)²⁸.

После возвращения из своей первой поездки на остров Экс отец Иосиф составил подробную записку о положении русских пленных, которую через посредничество барона Зеебаха представил маршалу Вальяну. В ней были изложены некоторые замечания и просьбы. Так, например, он указал на желательность распределения пленных по командам с подчинением их своим же унтер-офицерам и фельдфебелям. Эта мера, предварительно одобренная комендантом острова, была бы, по мнению протоиерея, крайне полезна как для россиян, так и для французских властей, так как дала бы возможность не только сохранить знакомую для пленных «подчиненность и привычки», но и явилась бы гарантией строгого соблюдения ими дисциплины. Отец Иосиф предлагал также отделить от военнослужащих 50 заключенных, захваченных вместе

с ними на Аландских островах, «дабы в случае худого поступка арестантов, за которых трудно ручаться, обвинение и бесчестие не падало на честных воинов». Кроме того он ходатайствовал о некотором улучшении жилищ и об увеличении на полфунта порции хлеба, добавляя при этом, что пленные добровольно соглашались взамен уменьшить на 50 граммов порцию мяса. Наконец, протоиерей просил отправить в Россию за счет имевшихся у него средств 10 человек, не принимавших участия в военных действиях²⁹.

Священник обратился также к префекту Ла-Рошели с жалобой на жителей острова Экс, которые, пользуясь стесненным положением русских, за гроши скупали их имущество. Префект ввел меры наказания для тех, «кто будет замечен в притяжательности и обмане против русских пленных». Военный министр также учел почти все пожелания протоиерея. Пленных разделили на команды, арестантов отделили от военнослужащих, порцию хлеба увеличили на полфунта, при этом мясная пайка осталась прежней. В жилищах поставили печи, которые, правда, не давали много тепла. Что касается отправки на родину указанных отцом Иосифом лиц, то французское правительство сочло возможным освободить лишь троих: вдову Максимову, ее трехлетнюю дочь и политического заключенного Арнольда. Всех остальных, по причине невозможности проверки данных, решили оставить во французском плену³⁰.

В упомянутой записке священника о положении русских пленных, адресованной маршалу Вальяну, обращает на себя внимание одно любопытное замечание: «Военные власти проявляют полную благосклонность, и мне приходится лишь сожалеть о том, что настоятель прихода на острове Экс, ссылаясь на приказание Его Преосвященства епископа г. Ла-Рошель, отказывается от посещения умирающих и от присутствия на тех похоронах, которые уже имели место»³¹. Направив выдержку из этой записки министру народного образования и вероисповеданий И. Фуртулю, маршал Вальян от себя прибавил, что «подобные жалобы в религиозных делах всегда досадны» и рекомендовал ему согласовать с епископом Ла-Рошельским свои действия, чтобы «избежать в будущем подобных инцидентов»³².

Столкновения с католическим духовенством начались у протоиерея Васильева практически сразу после его первого появления на острове Экс. Уже в начале ноября 1854 г. аббат польского происхождения, иезуит Еловицкий, проводивший на острове религиозное окормление поляков, находившихся среди российских военнопленных, в отчете о своих «апостольских трудах» епископу г. Ла-Рошель Клеману Виллекуру выступил с резкой критикой поведения пленных русской национальности, а также посещавшего их православного протоиерея. Аббат требовал отделить поляков от русских, «даже в заключении несколько не потерявших свою грубость и свои главные недостатки: пьянство, ложь и воровство». Он добавлял, что поляки постоянно преследуются русскими, «которым придает смелость присутствие русского попа, г. Васильева, духовника Российского посольства, иными словами, русского агента, беспрестанно рассказывающего русским, что их царь непобедим и что не позже как через два месяца он их освободит от заключения. Этот поп совершенно не занимается их духовным образованием: он приезжает с исключительной целью поддерживать отношения с русскими офицерами, которым привозит много денег, совершенно не обращая внимания на простых солдат»³³. Слова Еловицкого абсолютно не стыковались с показаниями коменданта острова Экс ротмистра Эриссана, не имевшего никаких претензий ни к русским воинам, ни к отцу Иосифу, и являлись не чем иным, как обычной клеветой, направленной на то, чтобы нейтрализовать влияние православного священника на военнопленных.

Дело в том, что во время Крымской войны католическое духовенство, особенно выходцы из Польши, часто рассматривали русских пленных, находившихся в разных местах заточения, как прекрасный объект для прозелитизма, а также для переманивания на сторону противника. Этот факт зафиксирован в воспоминаниях многих офицеров и солдат. Так, например, прапорщик И. Коровин-Павловский, взятый в плен при осаде Севастополя, вспоминал о своем пребывании на одном из Принцевых островов в Мраморном море: «Нас окружили разного рода бродяги-поляки... Между этой своло-

чью находился и ксендз, бежавший в 1848 г. из Варшавы в Париж. ...Достойный служитель католицизма, как дух тьмы, не отставал... от раненых русских пленных солдат и офицеров, уговаривая их поступить в формирующийся польский легион для действия против России... Офицеры отправили коллективное письмо в Константинополь к генералу Ларше, чтобы он запретил полякам переманивать русских солдат, а я с подпоручиком Новиковым попросил священника, взятого в плен в Кинбурне, отслужить солдатам обедню и напомнить им о долге присяги царю и отечеству»³⁴. Рядовой П. Таторский, плененный в сражении при Альме, рассказывал, что в Константинопольском госпитале к русским солдатам подходил некий ксендз с предложением исповедаться, а в Тулоне другой католический священник «уговаривал пленных из Царства Польского поступить во французскую службу»³⁵.

Подобной деятельностью занимался и аббат Еловицкий на острове Экс. По данным Н. Росса, из находившихся там военнопленных к апрелю 1855 г. 183 поляка, в том числе 3 унтер-офицера, перешли на службу во французский Иностраннный легион³⁶. Не удивительно, что присутствие протоиерея Васильева мешало Еловицкому, и он решил принять меры к его устранению. Клевета, возведенная аббатом Еловицким на отца Иосифа, была передана епископом Ла-Рошельским Клеманом Виллекуртом министру народного образования и вероисповеданий Фортюлю. Последний, в свою очередь, со ссылкой на мнение епископа, передал ее военному министру Вальяну и министру иностранных дел Друэну де Люису. Епископ Ла-Рошельский обвинил протоиерея Васильева в «двуличности», в том, что он «менее занимается исполнением обязанностей своего сана, чем возбуждением среди пленных политических страстей», а также в распространении необоснованных жалоб на тяжелое содержание русских во французском плену³⁷. Эти обвинения были подхвачены прессой, в частности газетами «Le Moniteur Universel» и «L'Indépendance Belge». В результате маршал Вальян запретил священнику доступ к местам содержания российских военнопленных.

Об этом запрещении отец Иосиф узнал из газеты «Le Moniteur Universel». Обоснование решения военного министра – «уверенность, что г. Васильев занимается более политикой, чем религией», разумеется, неприятно поразило протоиерея. 3(15) февраля 1855 г. он написал Вальяну оправдательное письмо: «В положении, в котором я нахожусь, мне становится невозможным опровергнуть обвинение, глубоко затрагивающее мою честь и мое достоинство священника. Несмотря на боль, причиняемую мне этим, я решился бы страдать молча, если бы дело шло только обо мне одном, но клевета, меня поражающая, должна также закрыть мне доступ к моим несчастным соотечественникам, для которых мое присутствие было большим утешением. Таким образом, я обязан, господин маршал, просить Ваше Превосходительство предоставить мне возможность оправдаться и через это получить разрешение возвратиться на остров Экс. Не в моей возможности раскрыть те источники, из которых к императорскому правительству дошли неверные сведения о моем поведении, но я считаю возможным всецело положиться на свидетельство властей острова Экс, которые всегда оказывали мне столь же благожелательный прием, как и Ваше Превосходительство»³⁸.

Письмо Васильева, а также требования русских пленных допустить к ним православного священника, усиливавшиеся по мере приближения Пасхи, заставили маршала Вальяна вновь вернуться к рассмотрению обстоятельств этого дела. Немаловажное значение имела также позиция российских властей и русской прессы. 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете «Journal de Saint-Petersbourg», являвшейся официальным печатным органом российского МИД, была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции. Проект статьи предварительно, 11 января, был представлен канцлером Нессельроде императору Николаю I и получил его одобрение³⁹. МИД сообщал, что те из российских пленных, кто по национальности является поляками и евреями, окружены «особым вниманием, с целью привести их к нарушению присяги своему Государю». Запрещение русскому протоиерею общаться со своими соотечественниками, лишаящее их утешений своей веры, а также постоянное присутствие на острове Экс иезуита по имени

Еловицкий, эмигрировавшего поляка, несмотря на наличие там приходского священника латинского вероисповедания, по мнению российских властей, свидетельствовало о «кознях иностранного духовенства» и подтверждало «приписываемое членам иезуитского ордена намерение произвести религиозную пропаганду между нашими пленными». «Мы никак не ожидали, – говорилось в заключение, – подобных происков в такой стране, как Франция, где существует по закону свобода вероисповедания и где благородные и великодушные чувствования всегда находили отголосок. Каковы бы ни были материальные лишения, которые нашим пленным соотечественникам пришлось бы терпеть, они, конечно, далеко не возбуждали бы тех горестных чувствований, какие должно внушить всякому благородному сердцу зрелище этого нравственного притеснения, производимого над умами, убитыми тоскою заключения, чтобы побудить их к низкой измене своему Государю, Отечеству и Вере»⁴⁰. Эта статья была перепечатана в ряде других изданий, в частности в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴¹.

Военные власти острова Экс, на свидетельство которых решил «всецело положиться» отец Иосиф, подтвердили маршалу Вальяну «полную порядочность, самоотверженность и непредвзятость» русского протоиерея, оказывавшего «помощь всем пленным, какого бы они ни были вероисповедания». Вальян сообщил Фортюлю, что готов разрешить приезд на остров Экс протоиерея Васильева по случаю Великого поста и Пасхи, при условии «установления неверности или преувеличения в сведениях, поступивших от епископа Ла-Рошели». Понимая, что без согласия монсеньора Виллекура не обойтись, Фортюль передал ему настойчивые просьбы русских пленных и заверил, что «г. Васильев строго ограничится той задачей, которая будет ему поручена»⁴².

Епископ Ла-Рошельский снизошел до позволения, не удержавшись при этом от пары язвительных замечаний как в адрес православной Церкви в целом, так и лично отца Иосифа: «Я считаю вполне естественным приезд г. Васильева на остров Экс и выполнение им в любом помещении, не относящемся к католической церкви, пожеланий его единоверцев. Дай Бог, чтобы у прочих его поездок не было бы других причин! Я бы высказал то же мнение и в отношении раввина, если бы те несколько евреев, которые находятся среди пленных на острове, пожелали его присутствия. Католическая церковь озабочена лишь чистотой своего вероисповедания и неприкосновенностью своих храмов. Вне этого она придерживается правила не мешать деятельности любых сект, даже наиболее ей недружелюбных»⁴³.

Существует версия, что протоиерей Васильев получил разрешение на возобновление посещения российских военнопленных после личной аудиенции у Наполеона III, устроенной ему бароном Зеебахом. Во время этой встречи он якобы «ошеломил» французского императора «блестящей речью» в свою защиту, произнесенной на «литературном французском языке». Эта версия исходит из воспоминаний его дочери Людмилы Автономовой⁴⁴ и повторяется в ряде исторических статей⁴⁵. Подтвердить ее документально, к сожалению, не удалось. Так или иначе, но к Пасхе (в 1855 г. она пришлась как у православных, так и у католиков на 27 марта (8 апреля)) отец Иосиф вернулся на остров Экс.

Необходимо отметить, что столкновения протоиерея Васильева с католическим духовенством происходили далеко не случайно. По сути, они были элементом общего религиозно-цивилизационного противостояния России и Западной Европы, имевшего место в годы Восточной войны. Данный характер противоборства четко прослеживается в позиции главных руководителей и идеологов этой войны. Российский император Николай I (в манифестах и приказах по армиям) и Русская православная церковь (в воззвании Святейшего Синода, в речах и проповедях церковных иерархов) постоянно подчеркивали священный характер войны, которую Россия ведет за святыне места, за интересы России и православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. Католическая церковь Франции (в посланиях Парижского архиепископа М.-Д.-О. Сибура, выпущенных с одобрения императора Наполеона III) не только признала религиозный характер начавшейся войны, но фактически назвала ее новым крестовым походом, направленным против Российской империи и православия.

Несомненно, подобное отношение католического духовенства к войне с Россией не могло не осложнять деятельность русского православного протоиерея на территории Франции.

Свое пасхальное путешествие на остров Экс отец Иосиф подробно изложил в письме от 18 мая (1 июня) 1855 г. исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевскому. На этот раз протоиерей пробыл среди пленных две недели – Страстную и Светлую. Прежде всего, он считал своим долгом сообщить соотечественникам о кончине российского императора Николая I, состоявшейся 18 февраля 1855 г., и совершить по нему панихиду. Не имея распоряжений российского правительства в отношении приведения пленных воинов к присяге новому императору Александру II, священник ограничился напоминанием им, что они клялись в верности не только почившему Государю, но и его наследнику, и призвал их «святю хранить эту клятву перед Богом». В течение Страстной седмицы он ежедневно проводил службы, с согласия коменданта устроил для пленных «постный стол», исповедал и причастил всех православных (в то время на острове их было 578 человек). Ночное пасхальное богослужение прошло «успешно и благолепно». Помимо россиян, на нем присутствовало около 50 французов. «800 горящих свечей, – сообщал отец Иосиф о царившей атмосфере, – торжество обряда и пения, духовная радость присутствующих, частые единогласные повторения “Во истину воскресе!”, лобзание пасхальное – все это не только исполнило торжеством нас, православных, но и сильно благоприятно действовало на иностранцев». Протоиерей Васильев раздал всем крашеные яйца и куличи. По его словам, «в христианской радости Светлого праздника воины воскресли и обновились духом, и, полные глубочайшей благодарности, ... в простоте сердца повторяли: “Батюшка, мы точно в России побывали”»⁴⁶. Упомянувшийся выше офицер И. Жуков, ко времени наступления Пасхи уже проживавший в г. Тур, отмечал, что на острове Экс «говели на седьмой неделе (поста. – Л.М.) и встречали праздник по-русски, с крашеными яйцами. Для великого поста покойным императором выслано им было восемь бочек гречневых круп»⁴⁷.

Находясь на острове, протоиерей Васильев узнал, что за время его отсутствия там скончались два русских солдата, которых похоронили «в отдаленном углу кладбища» без христианского погребения. Местный католический священник, по распоряжению епископа Ла-Рошельского, по-прежнему отказывался совершать какие-либо молитвы над прахом православных. Как видим, на монсеньора Виллекура, в его неприятии православия, не всегда действовали даже увещания министра вероисповеданий Фортюля. Отец Иосиф отправился на кладбище и воздал умершим солдатам последний долг, отслужив панихиду. По его словам, это «исполнило радости сердца всех пленников». «Теперь можно, – говорили они, – умереть и здесь: земля освящена православною молитвою»⁴⁸.

Пленных, находившихся в Тулоне, в пасхальные дни посетил второй священник русской посольской церкви Афанасий Петров. По свидетельству копииста Яковлева, он «удостоил всех исповедаться и причаститься Святых Тайн и оделил деньгами»⁴⁹.

С марта 1855 г., когда, в соответствии с договоренностью, заключенной между российским и союзным командованием, систематически начал производиться размен пленных, протоиерей Васильев регулярно провожал соотечественников на Родину. Пунктами обмена были назначены Одесса и Ливава. Отбывавшим туда россиянам священник раздавал деньги на дорогу, служил для них напутственный молебен. Подпоручик (во время составления записок – капитан) Дещинский, проезжавший перед отправкой в Россию через Париж в составе партии из 42 русских офицеров (среди которых находился и генерал-майор Я.А. Бодиско), вспоминал о своем общении с отцом Иосифом: «Он так искренно принял в нас участие, ... перевез в лучший отель, ... выделил каждому по 100 руб. серебром на содержание». Дещинский попал в число семи офицеров, представленных протоиереем и бароном Зеебахом императору Наполеону III во дворце Тюильри. По его словам, французский император разговаривал с ними «ласково» и предложил для всей упоминавшейся партии 2 тыс. франков, однако бывшие пленные

вежливо отказались, заявив, что уже получили деньги от своего Государя. Рассказывая о протоиерее Васильеве, Дещинский называет его «доблестным достойным отцом», при встрече с которым радость их «была невыразима»⁵⁰.

Самоотверженная деятельность священника в годы Крымской войны получила признание российских властей. 4 декабря 1854 г. Министерство иностранных дел от имени императора Николая I объявило ему благодарность⁵¹. 20 августа 1855 г. «во внимание к отлично усердной службе и в воздаяние ревностных и истинно человеколюбивых действий при исполнении возложенных поручений касательно оказания пособий русским пленным, находящимся во Франции», протоиерей Иосиф Васильев был награжден орденом Святой Анны 2-й степени⁵². Тем же указом, данным императором Александром II Капитулу Российских императорских и царских орденов, за те действия по отношению к нашим военнопленным, находившимся в Великобритании, такой же награды был удостоен настоятель Лондонской посольской церкви во имя Успения Божией Матери протоиерей Евгений Попов⁵³. Этот священнослужитель, так же как и отец Иосиф Васильев, является одним из наиболее ярких представителей русского зарубежного духовенства.

Евгений Иванович Попов (1813–1875) родился в г. Данилов Ярославской губ., в семье священника. В 1835 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, после чего в течение двух лет занимал должность профессора в Тверской духовной семинарии, преподавая там всеобщую историю и французский язык. 27 февраля 1838 г. он был рукоположен в священник сан и назначен к русской посольской церкви в Копенгагене, в марте 1842 г. переведен в Лондон. За границу отец Евгений уехал с молодой женой Анной Яковлевной, там родились все их дети (в 1855 г. у Поповых было шестеро детей – три сына и три дочери)⁵⁴. Активная общественная и литературная деятельность священника вскоре снискала ему значительную известность и авторитет, а также способствовала как в Дании, так и в Великобритании изменению предубежденного взгляда на русских. 10 января 1847 г. отец Евгений был возведен в сан протоиерея, а 17 июля 1851 г. сопричислен к ордену Святой Анны 3-й степени⁵⁵. В октябре 1853 г. российский посланник в Лондоне барон Ф.И. Бруннов писал директору Департамента внутренних сношений МИД Л.Г. Сеньяину, что протоиерей Попов, «исправляя в продолжение десяти лет возлагаемую на него должность в Англии, приобрел здесь общее уважение не только примерным поведением, но и познаниями, вполне ценимыми даже в кругу ученых Оксфордского университета. Во всех отношениях нахождение отца Евгения Попова при православной посольской церкви приносит честь службе Его Императорского Величества в Англии»⁵⁶. Высоко ценил отца Евгения митрополит Московский Филарет (Дроздов). В марте 1848 г. известный славянофил А.С. Хомяков в письме к протоиерею Попову передал лестный отзыв о нем митрополита Филарета, считавшего «особенным счастьем» его пребывание в Лондоне «в теперешнее время»⁵⁷.

Осенью 1854 г. протоиерей Евгений, так же как и отец Иосиф, по поручению российского МИД, начал оказывать духовную поддержку и материальное вспомоществование привозимым в страну его пребывания русским военнопленным. Первая партия таковых (около 600 человек) прибыла в Великобританию с Аландских островов, поскольку после взятия Бомарзунда союзники поделили пленников. По данным Миловидова, в сентябре 1855 г. в Великобритании находилось 1 440 российских пленных (43 офицера, 1 356 нижних чинов, 18 женщин и 23 ребенка)⁵⁸. Следующая крупная партия (700 рядовых и 16 офицеров) поступила в распоряжение англичан в октябре 1855 г. в связи с взятием Кинбурна⁵⁹. Основными пунктами содержания пленных в Великобритании были Плимут, Ширнес и Льюис. Значительное число российских пленных, захваченных как англичанами, так и французами, было размещено в годы войны на территории Турции, в частности – на Принцевых островах.

Положение пленных в Великобритании в основном было таким же, как и во Франции, хотя и имело некоторые особенности. Офицеры также получали жалованье и жили отдельно от солдат. С них взяли честное слово, что они не убегут, после чего предоставили относительную свободу передвижения. Солдаты находились под строгим над-

зором. В Ширнесе их содержали на блокшивах – старых, непригодных для плавания кораблях, обращенных в казарму, в Плимуте – в военной тюрьме. Солдат И. Загородников так описал место своего проживания в Плимуте: «Нас расположили... в каменном трехэтажном доме, с таковою же оградой, внутри одного посреди казематов – чугунные подпоры, в окнах – железные решетки, в стенах – отверстия душники, по обеим сторонам – железные кровати, на каждой из них тюфяк, подушки соломенные и белое войлочное одеяло, столы и скамейки средней величины деревянные на железных ножках, чашки деревянные, кружки жестяные, а также фонари для освещения ночью казематов»⁶⁰. Рацион солдат в Ширнесе выглядел следующим образом. Завтрак: полфунта пшеничных сухарей и полкружки шоколада; обед: щи из свежей капусты и порция говядины; ужин: чай. В Плимуте в сутки выдавали 1 фунт пшеничных сухарей, картофельный суп и порцию говядины. «При этом малом и несытном продовольствии, – отмечал Загородников, – каждый русский солдат ежедневно вспоминал черный хлеб, ... вкусные щи и кашу»⁶¹.

В Великобритании среди российских пленных также велась польская католическая пропаганда, в результате которой на сторону противника перешли около 200 человек. По словам Загородникова, «многие из поляков и евреев радовались нахождению в плену», «порицали царя и говорили, что для них нет его, и они останутся в Англии, поступив на службу». Попытки Загородникова «внушить им их обязанности» и предостеречь от нарушения присяги привели к тому, что один из них плюнул ему в лицо и пригрозил ножом⁶².

Настоящей «нравственной отдушиной» для пленных были регулярные визиты к ним протоиерея Попова. Один из находившихся в Плимуте офицеров, к сожалению, не указавший своего имени при публикации воспоминаний, отмечал: «Кто не был военным, тому, конечно, трудно представить себе положение военнопленного в стране своих неприятелей, отделенного тысячами верст от тех биваков и бастионов, где каждый из нас чувствовал свое настоящее место. Это тяжелое нравственное состояние наше понял и почувствовал своей русской душой незабвенный наш пастырь, отец Евгений, и какое отрадное утешение он приносил нам, какую надежду умел он вселить в нас на близкие лучшие времена»⁶³.

В течение двух военных лет практически каждую субботу и воскресенье протоиереи Попов посвящал пленным: «одну неделю в эти дни он был в Плимуте, другую в Льюисе, а в промежутках находил время и для заключенных в Ширнесе»⁶⁴. Тот же офицер вспоминал: «В урочный час он совершал всенощную в одной из камер военной тюрьмы, и вряд ли где случалось ему совершать службы для более усердных богомольцев... После службы все офицеры собирались в гостинице, где останавливался отец Евгений, и тут наши беседы с ним тянулись иногда за полночь. Он сообщал нам о положении политических и военных дел того времени, и от него первого мы узнали, что военная честь России нисколько не пострадала от всех неудач, и что, напротив, никогда русский солдат не стоял так высоко в мнении Европы, как в эту бедственную для нас войну. Конечно, это было для нас великим утешением. От него же мы получали номера “Русского инвалида”»⁶⁵.

После совершения богослужений отец Евгений, как правило, произносил проповеди, посредством которых старался поддержать пленных морально, внушить им терпение и укрепить в них надежду на скорое освобождение и возвращение на родину. Слова его благоотворно действовали на соотечественников. Например, Загородников, впервые увидевший протоиерея Попова в Ширнесе, где он находился в течение месяца перед отправкой в Плимут, отмечал, что речь священника, произнесенная после молебна с окроплением всех присутствовавших на нем святой водой, пробудила «стесненные чувства пленных до того, что многие прослезились и оставили у себя надолго в памяти слова его, “что мы при купели еще отрелись от суетного мира и предались во власть Божию; будучи же в плену, должны терпеливо нести крест свой, во имя святой веры в Господа нашего Иисуса Христа”». При этом отец Евгений подарил солдатам, находившимся на корабле «Девоншир», икону Знамения Божией Матери, сказав: «Этим

благословляю вас, воинов, на мужественное терпение и победу врагов внешних». Соотечественников, содержащихся на другом блокшиве, он благословил иконой Святой Троицы⁶⁶. Большое значение для пленных имели также панихиды, которые протоиерей служил по воинам, погибшим в бою и умершим в плену.

Посещая пленных, протоиерей Попов дарил им бронзовые крестики, привозил книги, брал у них письма для отправки родным и близким. Он неоднократно раздавал им деньги, пожертвованные для них российским императором и частными лицами. Интересно, что в октябре 1854 г. русские солдаты, содержащиеся в Плимуте, поднесли отцу Евгению собственное пожертвование – 56.5 шиллингов и 3 руб. 45 коп. серебром, собранное из их скудных средств на украшение образа Успения Божией Матери, хранящегося в русской посольской церкви. Подношение сопровождалось письмом, в котором говорилось, что «сыны православной Церкви, от искреннего усердия принося дар свой в храм Успения Пресвятой Богородицы, состоящий в Лондоне, ... зывают к Господу о скорейшем избавлении их из плена»⁶⁷. В марте 1855 г. солдаты передали ему для той же цели еще 100 шиллингов, пожертвованных в их пользу неким «соотечественником, проживающим в Англии»⁶⁸.

Так же, как и протоиерей Васильев, отец Евгений старался предоставить пленным возможность встретить церковные праздники в соответствии с русскими православными традициями. 6(18) декабря 1854 г., в день святителя Николая Чудотворца (небесного покровителя императора Николая I), он отслужил в здании военной тюрьмы литургию. Поздравив всех присутствовавших с праздником, протоиерей призвал их к молитвам «о продолжении дней жизни императора в благополучии и всего августейшего дома». Он отслужил молебен и раздал всем солдатам по 1 шиллингу, объявив, что деньги пожертвованы «благотворителем-соотечественником, пожелавшим остаться неизвестным». Затем празднование продолжилось уже за пределами тюрьмы. Для русских офицеров священник заказал торжественный обед в лучшей гостинице города. Интересно обратить внимание на звучавшие там тосты (ведь действие происходило во время войны, на территории страны-противника): «За веру отцов наших», «За Государя и августейшую фамилию», «За ополчившееся на врагов отечество». О праздновании дня святителя Николая Чудотворца русскими пленными в Плимуте сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости». Заметка заканчивалась словами: «все разошлись, счастливые и довольные тем, что и в пределах земли чуждой, среди плена, все снова были душою и мыслью с родными, снова сошлись с ними в общей молитве за Государя и Отечество и в общем желании им славы и благоденствия»⁶⁹.

Благодаря отцу Евгению, «по-русски» встретили пленные и Святую Пасху. О значении этого для их духовного состояния красноречиво свидетельствуют слова Загородникова: «Дни Страстной недели были для каждого русского человека... чувствительны и горестны, ибо вдруг соединилось много различных причин и много трогательных обстоятельств воссылать молитвы к Богу с чистым сердцем, смиренным духом и со слезами: о нахождении нашем в плену, о кончине императора Николая Павловича и о страдании и погребении Господа нашего Иисуса Христа... Светло-Христово Воскресение было для каждого христианина утешением всех скорбей... Поцеловав крест и троекратно в уста отца Евгения, с произношением свидетельства об истинном воскресении Христа, каждый солдат ожил духом, встречая праздник, прославляемый на святой Руси... Похристосовавшись друг с другом в тюрьме казематного жилища, мы разговелись пасхою, приговоренною заботливостью священника Попова, получив при этом еще по паре окрашенных яиц и по две пшеничные с корицею лепешки»⁷⁰.

С началом размена пленных протоиерей Попов, так же, как и его парижский коллега, провожал соотечественников на родину, раздавая им деньги и служа напутственные молебны.

Заключение мира дало возможность настоятелям русских посольских церквей в Париже и Лондоне вернуться к повседневным занятиям, а также активизировать исследовательскую, публицистическую и переводческую деятельность. С этого времени русские зарубежные священники напрямую приступают к задаче ознакомления Запада

с историей, религией и культурой страны, которую они представляют. Фактическое незнание европейцами реалий Русской Церкви приводило к тому, что на страницах западной прессы нередко публиковались всевозможные вымыслы и неуважительные высказывания о ней. С ноября 1859 г. протоиерей Васильев начинает выпуск франкоязычного православного журнала «L'Union Chrétienne» («Христианское единение»). Цель издания заключалась в том, чтобы показать инославному читателю сущность православия и способствовать сближению христианских церквей. Одной из задач журнала отец Иосиф считал также аргументированную и открытую полемику с активно публиковавшимися в Париже русскими католиками (И.С. Гагариным, И.М. Муравьевым, Е.П. Балабиным и др.), полагавшими, что «католицизм – основа европейской цивилизации – единственно возможный путь свободы и спасения России»⁷¹. В редакцию журнала, помимо протоиерея Васильева, вошли также С.П. Сушков и аббат Гетте, который через два года, не без влияния отца Иосифа, принял православие. Издание осуществлялось за счет самого протоиерея. Петербург, опасаясь обвинений со стороны французского правительства в распространении русской пропаганды, после некоторых колебаний дал согласие на издание журнала, но отказался при этом его финансировать. Вскоре «L'Union Chrétienne» стал заметным явлением в европейском богословском мире. На его страницах в открытый диалог вступили представители различных христианских конфессий.

Протоиерей Попов также немало сделал для ознакомления английского общества с русской православной культурой. Кроме того, он написал ряд статей о современных ему явлениях англиканской церковной жизни, которые были опубликованы в России в духовных журналах «Христианское чтение», «Православное обозрение» и др.

Окончание Крымской войны дало возможность отцу Иосифу вновь поднять вопрос о строительстве в Париже русской церкви. 6(18) сентября 1856 г. он представил российскому чрезвычайному посланнику барону Ф.И. Бруннову записку, содержащую просьбу об исходатайствовании на этот счет «соизволения нашего правительства». В качестве доводов в пользу сооружения храма, в частности, назывались «недостаток места для богомольцев» и «невозможность благолепного украшения, приличного святости и величию православного обряда». Храм, по мнению протоиерея Васильева, мог стать лучшим наглядным опровержением «неверного и невыгодного понятия о нашей Церкви во Франции», «ошибочно или злонамеренно» распространяемого западной прессой. Финансовыми источниками для предполагаемой постройки должны были стать «щедроты Государя» и «доброхотные даяния русских»⁷². Барон Бруннов передал записку священнику министру иностранных дел России князю А.М. Горчакову, сопроводив ее личным положительным отзывом. Вскоре данный вопрос был передан «на ближайшее усмотрение» чрезвычайного и полномочного посла России во Франции графа П.Д. Киселева⁷³. 26 декабря 1856 г. (7 января 1857 г.) Киселев сообщил в Петербург о «согласии французского правительства на сооружение и открытие в Париже русской церкви православного вероисповедания»⁷⁴.

Император Александр II, хорошо знавший Запад и потому опасавшийся возможных осложнений, решил, что российским властям лучше оставаться на заднем плане при строительстве во французской столице русского храма. Он лично пожертвовал для этой цели 50 тыс. руб., но при этом обеспечил невмешательство своего правительства в происходившее событие, придав ему тем самым чисто религиозный характер. Земельный участок, приобретенный для возведения церкви, был оформлен на имя российского посольства в Париже. Сбором средств занимался протоиерей Васильев, он же составлял смету и руководил строительными работами. За 4,5 года ему удалось собрать 287 338 руб. 66 коп. серебром, что равнялось 1 146 376 франкам 25 сантимам⁷⁵. Пожертвования на сооружение храма отец Иосиф собирал как во Франции, так и в России, куда он совершил между 1859 г. и 1861 г. несколько поездок.

Первый камень в основание храма был заложен 19 февраля (3 марта) 1859 г., в день четвертой годовщины восшествия на престол императора Александра II. Постройка была совершена скорым темпом. Менее чем через три года во французской

столице вырос великолепный пятиглавый храм, выполненный в русско-византийском стиле по проекту архитекторов Р.И. Кузьмина и И.В. Штрома. Аббат Гетте вскоре назвал его «одним из самых красивых украшений Парижа»⁷⁶. 30 августа (11 сентября) 1861 г. храм был торжественно освящен в честь святого благоверного князя Александра Невского. Чин освящения возглавил епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии Леонтий (Лебединский). Российский посол П.Д. Киселев, обеспокоенный неблагоприятной для православных «атмосферой» Парижа, накануне предлагал «не раздражать гусей» (т.е. католическое духовенство) и воздержаться от «такой торжественности» обряда освящения церкви, что было, на его взгляд, слишком рискованно⁷⁷. Однако протоиерей Васильев настоял на проведении именно торжественной церемонии. По его мнению, этот акт должен был «возвысить честь и славу Православия и России; утвердить многих колеблющихся наших путешественников и произвести благоприятное действие на иностранцев и иноверцев»⁷⁸. На церемонии освящения присутствовали около 1 200 человек. Русскую колонию возглавляли посол Киселев и товарищ министра иностранных дел И.М. Толстой. Французская сторона была представлена маршалом Вальяном, обер-камергером Наполеона III графом Ф. Бачиокки и префектом парижской полиции Буателем. Антиправославные настроения, о которых говорил Киселев, проявились в том, что из 300 представителей высшего французского общества и католического духовенства, получивших официальные приглашения на церемонию, откликнулись на них лишь 15⁷⁹. Тем не менее освящение в Париже православного храма стало одной из ярких мирных побед русской культуры на Западе. В определенной степени оно послужило укреплению связи России и Франции как в культурной, так и в политической сфере. 16 декабря 1861 г. строитель парижского русского храма протоиерей Васильев был награжден золотым наперсным крестом, украшенным бриллиантами. 21 апреля 1862 г. ему была пожалована митра⁸⁰.

Таким образом настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне протоиереи И. Васильев и Е. Попов в середине XIX в. являлись достойными представителями России и Православной Церкви в странах своего пребывания. Их широкое образование, высокие моральные качества, а также активная общественная, переводческая и публицистическая деятельность способствовали созданию за рубежом позитивного образа России, поддержанию престижа империи, открытию диалога между членами различных христианских конфессий. В годы Крымской войны отец Иосиф и отец Евгений по поручению российского МИД оказывали моральную поддержку и материальное вспомоществование русским пленным. Особенное значение это имело для солдат, которые, в отличие от офицеров, по своему воспитанию не были интегрированы в европейскую культуру и к тому же находились в более жестких условиях содержания, а потому тяжело переживали оторванность от родины. Священники также старались оказывать противодействие религиозной и политической пропаганде, активно проводимой в годы войны среди русских пленных католическим духовенством польского происхождения. Протоиерей Васильев, вступив в переговоры с французскими властями, смог с честью выйти из конфликта, спровоцированного вокруг него иезуитами. Все это позволяет утверждать, что деятельность настоятелей русских посольских церквей выходила за узкие рамки канонического служения и, по сути, превращала их в практически полноправных представителей российского дипломатического корпуса.

Примечания

¹ Практически все дела, относившиеся к русским православным церквям за границей, находились в ведении Департамента хозяйственных и счетных дел МИД. Он был образован 10 апреля 1832 г. из бывшего Департамента (отделения) казенных и текущих дел Государственной коллегии, 22 мая 1868 г. переименован в Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД.

² *Киприан (Керн), архимандрит. Дореволюционное русское духовенство за границей // Православная мысль. Вып. XI. Париж, 1957. С. 104.*

³ Одерова М.В. Сюртук, под ним – наперсный крест. Русское посольское духовенство в Европе // Родина. 2008. № 2. С. 66.

⁴ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по старому стилю.

⁵ АВП РИ, ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел), оп. 749/4, д. 47, л. 75–75 об.

⁶ Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 58.

⁷ Старшая дочь Васильевых Мария умерла в 10-летнем возрасте от перитонита; еще двое детей – Елена и Борис (девятая и десятый по рождению) умерли в младенчестве. Последний, двенадцатый ребенок – сын, также названный родителями Борисом, родился в Санкт-Петербурге, уже после возвращения семьи Васильевых на родину. (См.: Автономова Л.И. Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В. Васильева // Исторический вестник. 1916. № 8. С. 301–302.)

⁸ АВП РИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.

⁹ В 1854 г. в причт Петропавловской церкви при российском посольстве в Париже, помимо настоятеля протоиерея Иосифа Васильева, входили также второй священник Афанасий Петров и три причетника: Василий Устюжский, Алексей Копорский и Владимир Зверев.

¹⁰ АВП РИ, ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив), IV-16, оп. 158, 1854 г., д. 24, л. 2–3 об.

¹¹ Васильев И.В., *прот.* Парижские письма протоиерея И.В. Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам. Пг., 1915. С. 162.

¹² В это число включены лица, возвращенные на родину, а также умершие в плену. Здесь не учтены так называемые «невозвращенцы», то есть люди, во время плена перешедшие на сторону противника. Таковых было около 500 человек. См.: Миловидов Б.П. Численность пленных в годы Крымской войны // Марсово поле. Вып. 2. СПб., 1997. С. 21.

¹³ По данным протоиерея И.В. Васильева, 1 500 русских военнопленных находились во Франции в мае 1855 г. (Васильев И.В., *прот.* Указ. соч. С. 170.) После этого в страну были доставлены еще несколько сотен человек. Например, исследователь Н. Росс сообщает, что «между маем и июлем 1855 г. были привезены в Тулон около 350 пленных», а последней партией стали прибывшие туда же в марте 1856 г. 34 человека, взятые в плен в Петропавловске-на-Камчатке. (Росс Н. Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 141.)

¹⁴ Росс Н. Указ. соч. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 137–138.

¹⁶ Первоначально денежное содержание пленных офицеров определялось тарифом 1837 г. Генерал получал 166 франков в месяц, полковник – 100, подполковник – 80, майор – 75, капитан – 50, низшие офицеры – 29 франков. Стараниями протоиерея Васильева жалованье офицеров было увеличено в среднем до 100 франков в месяц. Декретом от 6 марта 1855 г. французское правительство повысило нормы довольствия военнопленным. Генерал-майор стал получать 250 франков в месяц, штаб-офицер – 200, обер-офицер – 100.

¹⁷ Цит. по: Катанский Н.А. Наши пленные во Франции в 1854–1855 гг. // Исторический вестник. 1916. Т. 146. С. 713.

¹⁸ 1 фунт = 409 граммов.

¹⁹ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 715.

²⁰ Там же. С. 716.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 719–722.

²³ Васильев И.В., *прот.* Указ. соч. С. 164–165.

²⁴ Там же. С. 165–166.

²⁵ РГИА, ф. 797, оп. 97, д. 410, л. 297.

²⁶ Миловидов Б.П. Русские военнопленные в годы Крымской войны // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2002. № 1. С. 34.

²⁷ Жуков И. Рассказы русского офицера, бывшего в плену во Франции // Отечественные записки. 1856. Т. 106. № 6. С. 482.

²⁸ Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок // Современник. 1856. Т. 55. № 1. С. 16.

²⁹ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 721; Росс Н. Указ. соч. С. 139.

³⁰ Катанский Н.А. Указ. соч. С. 717, 721–722.

³¹ Цит. по: Росс Н. Указ. соч. С. 142.

³² Там же.

- ³³ Там же. С. 142.
- ³⁴ *Коровин Павловский И.* Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. № 12. С. 319–320.
- ³⁵ Восемь месяцев в плену у французов (После Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // Современник. 1855. Т. 53. № 9–10. С. 171, 195.
- ³⁶ *Росс Н.* Указ. соч. С. 138.
- ³⁷ Там же. С. 144–146.
- ³⁸ Цит. по: *Катанский Н.А.* Указ. соч. С. 723–724.
- ³⁹ АВП РИ, ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел), оп. 469, 1855 г., д. 57, л. 17–20.
- ⁴⁰ Там же; *Journal de Saint-Petersbourg*. 1855. 13 janvier.
- ⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 11. 15 января.
- ⁴² Цит. по: *Росс Н.* Указ. соч. С. 146–147.
- ⁴³ Там же. С. 147.
- ⁴⁴ *Автономова Л.И.* Указ. соч. С. 308–309.
- ⁴⁵ *Катанский Н.А.* Указ. соч. С. 724; Протоиерей Православной церкви при русском посольстве в Париже Иосиф Васильевич Васильев (Биографический очерк) // Иллюстрация. 1858. № 42. С. 257; *Ододова М.В.* Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже... С. 61.
- ⁴⁶ *Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 167–169.
- ⁴⁷ *Жуков И.* Указ. соч. С. 512.
- ⁴⁸ *Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁹ Содержание русских в плену. Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок... С. 16.
- ⁵⁰ Записки севастопольца 21-го пехотного Муромского Его Императорского Высочества великого князя Вячеслава Константиновича полка, капитана Дещинского, бывшего у французов в плену // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I. СПб., 1872. С. 374–375.
- ⁵¹ АВП РИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 75 об.
- ⁵² Там же, ф. 161, IV-6, оп. 158, 1855 г., д. 12, л. 4, 10; ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 76 об.
- ⁵³ Там же, ф. 161, IV-6, оп. 158, 1855 г., д. 12, л. 4, 9; ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 12 об.
- ⁵⁴ Там же, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 11 об.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, ф. 184 (Руссийское посольство в Лондоне), оп. 520, д. 95, л. 51–52.
- ⁵⁷ Письмо А.С. Хомякова к Лондонскому священнику Е.И. Попову // Русский архив. 1879. Кн. III. № 11. С. 360.
- ⁵⁸ *Миловидов Б.П.* Русские военнопленные в годы Крымской войны. С. 30.
- ⁵⁹ В распоряжение французов тогда поступило 600 нижних чинов, 16 офицеров и комендант. См.: Там же. С. 29.
- ⁶⁰ *Загородников И.* Дневник русского солдата, взятого в плен при Бомарзунде, в 1854 году // Русская старина. 1893. № 10. С. 192.
- ⁶¹ Там же. С. 189–190.
- ⁶² Там же. С. 202–203, 208.
- ⁶³ Воспоминание русского военнопленного о почившем протоиерее Е.И. Попове // Странник. 1875. Т. 4. № 11. С. 95.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 95–96.
- ⁶⁶ *Загородников И.* Указ. соч. С. 192.
- ⁶⁷ Там же. С. 198.
- ⁶⁸ Там же. С. 206.
- ⁶⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 7. 11 января.
- ⁷⁰ *Загородников И.* Указ. соч. С. 206–207.
- ⁷¹ *Ододова М.В.* Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже. С. 62; см. также: *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999.
- ⁷² *Васильев И.В., прот.* Указ. соч. С. 171–176.
- ⁷³ АВП РИ, ф. 161, IV-6, оп. 158, 1856 г., д. 40, л. 1–2, 16.
- ⁷⁴ Там же, л. 17–18.
- ⁷⁵ Там же, л. 359–359 об.

⁷⁶ Цит. по: Росс Н. Указ. соч. С. 170.

⁷⁷ Там же. С. 155–156.

⁷⁸ Цит. по: Одерова М.В. Протоиерей И.В. Васильев – настоятель православной церкви при русском посольстве в Париже. С. 66.

⁷⁹ Росс Н. Указ. соч. С. 154.

⁸⁰ АВП РИ, ф. 159, оп. 749/4, д. 47, л. 76 об.

© 2012 г. В.Б. АКСЕНОВ*

ВОЙНА И ВЛАСТЬ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН В 1914–1917 ГОДАХ: АРХЕТИПЫ, СЛУХИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Изучение социальных потрясений начала XX в. немыслимо без учета особенностей мировоззрения и самосознания российского крестьянства. Крестьяне, составлявшие по переписи 1897 г. 77% жителей России¹, активно участвовали в урбанизационных процессах и политической деятельности, являлись численной основой армии. В период Первой мировой войны их отношение к происходящим событиям стало особенно важным фактором социально-политической истории. Специфика массового сознания крестьян в той или иной степени характеризовалась во многих работах, посвященных событиям 1914–1918 гг.² Однако, несмотря на устойчивое внимание к социально-антропологической проблематике, взаимосвязь ментальных установок и поведенческих практик в конкретных исторических условиях изучена слабо. Для ее освещения большой интерес представляют протоколы обвинений крестьян в нарушениях ст. 103 Уголовного уложения 1903 г. (об оскорблении царствующего императора, императрицы или наследника престола). В изученных 1 474 случаях для них характерны свойственные массовым источникам повторяемость сюжетов и выражений, а также присутствие фольклорных элементов, специфический механизм интерпретации информации, экзистенциальная обусловленность мотивов. Впервые внимательно рассмотренные Б.И. Колоницким и О.С. Поршневой, они до сих еще до конца не изучены. Колоницкий, выявляя источники слухов, указывает на случаи их салонного происхождения, а также фабрикацию как социалистическими, так и монархическими партиями, либеральной интеллигенцией и германской пропагандой³. Между тем в ряде случаев слухи, распространенные в крестьянской среде, обнаруживают связи с фольклорными традициями.

Повседневность крестьянской жизни, связанная с тяжелым земледельческим трудом, формировала конкретное-прагматическое восприятие действительности, ограничивавшее метафоричность крестьянского мышления семантикой знакомых фольклорных образов. Когнитивная направленность мифа перешла к сказке, морфология которой отражала вневременные архетипические модели⁴. Сказка в буквальном смысле воспитывала человека, рассказывая о существующих правилах поведения, предлагая морально-нравственные оценочные критерии. Любопытный пример попытки практического применения сказки сохранился в рассказе солдата о том, как он, заблудившись, набрел на дорожный указатель: «Стоит столб, на ем слова, а прочесть я не в силах. Дороги за столбом разошлись, вот и иди куда знаешь. Сел, стал сказку вспоминать. А по сказке-то той, куда ни кинь – все клин, куда ни глянь – все дрянь. Я и пошел без пути, посередке, да еле из трясины и выбрался. Чем сказки-то сказывать, лучше бы грамоте выучили»⁵. Так, в ряде сказок солдат выстоял ночью против одолевавших его

* Аксенов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного технического университета – МИРЭА.